

Классификация основных мотивов в лирике Натальи Горбаневской

В статье анализируются ключевые стихотворения Натальи Горбаневской, в которых прослеживается набор устойчивых мотивов. Несмотря на открытую политичность Горбаневской в историческом масштабе, все политическое и гражданское в лирике скрыто. На первом месте у поэтессы движение (путь), которое и позволяет установить диалог с миром и с Богом.

Автор выделяет и классифицирует мотивы по принципу концентрической системы, обозначая проблематику, выявляя эстетические и религиозные идеи поэта.

Ключевые слова: Наталья Горбаневская, мотив, судьба эмигранта, христианский путь, религиозная лирика.

Maria Pobelan

Classification of the Main Motives in the Lyrics by Natalia Gorbanevskaya

In this article an analysis of Natalia Gorbanevskaya's poetry is taking place, specifically a set of its sustainable motives. Despite the fact that Gorbanevskaya herself was openly involved in politic in historical scale, all political and civic things were hidden under surface of her poems. She put in the first place the motive of movement (path) to help her reader to make a connection with world and the God.

The author of article highlights and classifies all of those motives according to the principle of a concentric system and outlines the issue by revealing aesthetic and religious ideas of the poet.

Key words: Natalia Gorbanevskaya, motive, emigrant fate, Christian way, religious lyrics.

В общественно-политическом дискурсе Наталья Горбаневская – фигура историческая: участие в «демонстрации семерых» 1968 года, последующий арест и принудительное лечение в Казанской психиатрической больнице, эмиграция во Францию привлекли к ней внимание европейской общественности, но скрыли и отдалили от нас Горбаневскую-поэта. Судьба эмигранта, навсегда покинувшего Родину, в общественном сознании связана с потерей национальной идентичности, с забвением.

Несмотря на длительное осмысление советской эпохи и развитие современной поэзии, творчество Н. Е. Горбаневской не было изучено в полном объеме. Отчасти этому могло способствовать то, что ее поэзия находится на границе между основными поэтическими направлениями во второй половине XX века. С одной стороны, использование традиционного ритма и тематическая составляющая творчества сближают Горбаневскую с поэтами шестидесятниками, с другой стороны, языковая игра, «порождающая модель возможных синтаксических и семантических миров» [9, с. 217], позволяет отнести ее к постмодернистам.

С конца 1990-х годов и в наше время мы не встречаем исследовательских работ, в которых бы были проанализированы лирические циклы Горбаневской, выявлены основные мотивы поэзии. В этой связи тема нашей статьи является актуальной.

В современном литературоведении о мотиве сложилось представление как о начале «внеструктурном», когда свойства мотива «вырастают каждый раз заново, в процессе самого анализа» [4]. То есть неограниченное толкование произведения ученым, который берет за основу тот или иной контекст автора.

Такая система мотивного анализа представлена в работах Б. М. Гаспарова. Она соединяет в себе структурный и семантический подходы к мотиву. Ученый говорит о «принципе лейтмотивного построения повествования», когда «некоторый мотив, раз возникнув, повторяется затем множество раз, выступая при этом каждый раз в новом варианте» [4]. Для Гаспарова важен принцип вариативности. Мотив здесь обладает определенными свойствами: а) повторяемость; б) способность к накоплению смысла; в) возможность быть явленным в тексте своими представителями, устойчивыми атрибутами.

Поэтический мир Горбаневской – мир личностный, эстетический и религиозный – обладает набором устойчивых мотивов. Рассмотрим эти мотивы.

Основные мотивы лирики Н. Горбаневской – мотивы пути и мотив истины. Н. Горбаневская писала в своем эссе «Путь и дорога» о двух дорогах в ее жизни. Первая дорога вела ее в Вильнюс, Ленинград, Псков, Ригу. Вторая дорога – в эмиграцию, в Париж. На этом основана реальная топография местности в ее текстах. В ранних стихотворениях дорога важнее, чем цель, к которой она вела.

В стихотворении «Господи, все мы ищем спасенья...» в первой строфе перед нами предстает образ Бога и путь человека к спасению через преодоление пространства. Как человек не знает, что с ним может случиться в любую минуту, так и лирический герой, сравнивая себя со свечкой, не знает, в

какой он окажется стороне. Он не владеет знанием, а жизнь сама его ведет, подсказывает ему:

Господи, все мы ищем спасенья,
где не ищем – по всем уголкам,
стану, как свечка,
на Нарвском шоссе я,
голосую грузовикам.

Знаю ли, знаю ли, где буду завтра –
в Тарту или на Воркуте [2].

Мотив этой неподвластности узнать его судьбу часто звучит в ранней лирике поэта.

В «Трех стихотворениях, написанных в дороге» есть такие строки:

Утро синее,
солнце в гробу,
еду по свету
пытать судьбу [2].

Все стихотворения построены на антитезе тьма-свет. Образ Петербурга довольно традиционный – это «темный», мрачный город, склеп, где и солнце находится в «гробу». Слово же «свет» имеет здесь несколько значений. Уезжая, лирический герой освобождается от этой темноты, он едет к «свету» по свету.

В стихотворении «Мое любимое шоссе» из сборника «Города и дороги. Избранные стихотворения 1956–2011 гг.» дорога для лирического героя – это еще и удача, это то, что отличает человека «подвижного» от человека в «стационарном состоянии» – стремление следовать за кем-то. Герой обладает «стереоскопическим» зрением, схватывая на лету картины, пейзажи:

Мое любимое шоссе
в рулон скатаю, в память спрячу,
как многолетнюю удачу,
как утро раннее в росе [2].

В произведении «Но нет меня в твоём условном мире...» лирический герой утверждает, что ему свойственна легкость и что дорога – это единственно возможный путь к своему «Я»: Опять моя отрада мерить мили / в грохочущих, как театральный гром, / грузовиках, ободранных кругом, / и взмахивать рукою, как крылом [2]. Потому что остановка – это пустота, точка, которая больше не имеет пересечений с линией жизни, «остановка» языка:

А я на выезде из Бологого
застряла в запасных путях,
и пусто-пусто, и голо-голо
в прямолинейных моих стихах [1, с. 22].

По словам Б. Кормана, в стихотворениях мотивы не присутствуют в чистом виде, каждый из них соотнесен с другими мотивами, и внутри каждого проявляется многообразие вариаций [5, с. 268]. Поэтому противопоставлен мотиву дороги мотив дома. Но Горбаневская, особенно в поздней лирике времен эмиграции, вспоминает не дом, как это свойственно эмигрантам, живущим вдалеке от родины, она говорила, что никогда не испытывала ностальгии, а вспоминает города, по которым путешествовала автостопом. Теперь каждый город становится для нее рифмой, неподвижной точкой:

в Венецию, Флоренцию и Рим,
но лучше с Северного, где так сладок дым,
– как прежде в Ленинград ночными поездами –
и просыпаться утром в Амстердаме [1, с. 73].

Нужно сказать, что и в ранней лирике мы не встречаем устойчивого мотива дома, только в стихотворении 1964 года есть намеки на то что, вне дома лирический герой чувствует себя отверженным:

– Не тронь меня! – кричу прохожим,
не замечающим меня.
Чужие комнаты кляня,
слоняюсь по чужим прихожим [2].

Для героя дорога – это и синоним свободы, свободное движение в пространстве. Концепт же «тюрьма» – это ограничение той свободы, как тела, так и души. Поэтому один из основных мотивов ее творчества – это мотив свободы и несвободы (заключения, решеток). Она будто бы боролась с невидимым заключением. Для нее важно, что мир не «кончается Казанью» и его можно исследовать: В малиннике, в крапивнике, в огне / желания, как выйдя на закланье, / забыть, что мир кончается Казанью / и грачьим криком в забранном окне [1, с. 28].

Как ни парадоксально, но у таких пространств, как тюрьма (предельно закрытое) и дорога (предельное открытое) есть общая черта – они освобождают от быта:

Все свое ношу с собой:
этажи в пружинных сетках,
вечное отчаянье,
ежедневное житье [3, с. 348].

Из тринадцати восьмистиший «Падение Икара» в четвертом лирический герой, будто сам себя созерцает, отстраняясь. Мы не знаем, к кому он обращается, но это может быть обращение к Богу:

При свете дня
в мире холодном сем

видишь меня?

– камера два-два-семь.

Падение – тюрьма земля [1, с. 242].

Тюрьма – это разрушение, а разрушение безымянно, это набор цифр «два-два-семь», когда за ними нет героя, нет личности. Дорога – исцеление, форма существования. Но чем ближе к границе жизни и смерти, тем быстрее «реальная» дорога превращается в тот самый путь. Для Горбаневской путь является синонимом дороги, и «от нас зависит, станет ли он синонимом гибели или ЖИЗНИ» [8, с. 122]. Она приводит такие слова из Библии: «я есмь путь и истина и жизнь», «...широки врата и пространен путь, ведущие в погибель...тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь» [6].

Образ пути получает еще и христианское толкование, например, в стихотворении «Между явью и сном», когда лирический герой острее всего ощущает эту границу «дома» и «не дома»:

Где качается лист
театрального грома,
где ты дома
и где ты не дома,
где твой путь, как и прежде, кремнист [2].

Аллюзии на стихотворение М. Лермонтова «Выхожу один я на дорогу» в последней строке указывают на единение героя с другими поэтами. Но лирический герой Горбаневской все еще сомневается в этом выборе пути – вдруг он иллюзорен, не равен истине. На это указывают театральность обстановки, «где качается лист театрального грома».

Несмотря на эсхатологические тенденции поэзия Горбаневской – жизнеутверждающая. Она была уверена в том, что если человек падает духом, он грешит перед Богом:

Говорят, доро́га –
слёзная стезя.
Тем, кто ищет Бога,
унывать нельзя.
А кто Бога ищет,
тот уже нашел [2].

В произведении «Ни клочка...» игра с отрицанием «нежить» и «жить» на первый план выдвигает иронию лирического героя, но во втором слое текста скрыто серьезное чувство:

...где меня
с полудня

наняли
сторожить
эту нежить,
нежить эту жить,
дребезжать и брезжить
и – не тужить [2].

Слово «нежить» может использоваться здесь в трех значениях: а) неизбежная конечность жизни, б) нечистая сила (в мифологии), в) в значении «ласкать», «баловать» жизнь, преодолевая страдания.

Нужно отметить, что в текстах, где речь идет о пути как религиозном учении, лирический герой оказывается встроенным в эту систему. Зная о ее строгости, он не чувствует себя одиноким во Вселенной. Но иногда образ мира передан именно через позицию личного и метафизического одиночества героя:

Ночь соскребла с фасадов год
и соскоблила век,
и город пуст, как огород,
но город, как ковчег [2].

Вершину своего одиночества герой переживает через призму предельной пустоты, где нет человека, нет ничего:

Пустота –
что прыжок с моста,
и пустот –
что пчелиных сот.
Сосчитай до ста,
до двухсот, трехсот,
зерна не оставил
на зерне осот [2].

Но в этом стихотворении можно увидеть и некое доказательство от противного. Понимая универсальность своей позиции относительно выбранной системы ценностей, герой рассматривает и противоположную точку зрения, а что если за этим – бездна.

В стихотворении «А былая беда...» мотив несвободы человека дан шире, чем просто «неволя». По своей природе человек несвободен, и все страдания, беды и события, происходящие с ним, контролируются определенными законами бытия: А былая беда, / говорят, не важна, а важна метафизика [1, с. 131]. Но риторическое обращение к таким категориям, как

«мерзлота» и «лебедя» дают нам понять, что лирический герой, иллюстрируя данную закономерность, относится к такому толкованию скептически:

Позабудь, лебеда,
как тебя общипали до последнего листика.
Позабудь, мерзлота,
тех, кого ниже метра не зарыли, понятно [1].

В поздней лирике все чаще повторяются такие понятия, как «хаос», «растворенье», которые выполняют функцию мотива:

ну так сигай,
любезный, // порхая, трепыхаясь,
/ втопя свой трепет в хаос [2].

Вселенная для героя – это хаос и красота. Бездна и знание, мир Бога. Несмотря на незащищенность человека перед небытием, для лирического субъекта не органично понятие «моральной слабости».

В стихотворении «Радость моя, растворенье мое...» идея «растворения» в пространстве проговорена отчетливо:

Радость моя, в воздухе растворясь,
здесь, далеко, и на севере, близко,
я проскользну над вселенною склизкой,

с миром вступая в преступную связь [2]. Словосочетание «преступная связь с миром» – по-другому «запретная», недолгая, но желанная – раскрывает мысль поэта о назначении человека. Жизнь, данная свыше, ничего не обещает ему, это миг по сравнению с накопленным временем планеты. И главное – это отдача себя миру до того, как все полностью растворится.

В стихотворении «О, этой искры высеканье» лирическому герою открывается путь в обратной перспективе. Теперь не он наносит на карту пометки о пребывании в городах, а города хранят в себе память о герое:

тропа кремнистая к ограде,
в Замоскворечье, Засекванье,
в Трастэвере, на Мáлой Стране [2].

Тема памяти сопряжена с темой смерти. В «Последних стихах того века» 2001 года у лирического героя возникает желание «остановиться, не виться, не крутиться». Образы зимы и осени напоминают о старости. Сравнение души и тела с рукавицей, что «распростилась» с ладонью, а опыт с «шелестением сухих листьев», передает скорбное настроение героя, и в то же время ощущается чувство христианского смирения. Там, где путь заканчивается, должны открыться «последние истины»:

Пора надменный опыт
перековать на шепот,

на шелестение
сухих опавших листьев,
простых последних истин,
колких, как терние [2].

В сборнике «Осовопросник. Стихи 2011–2012 годов» стихотворение «Красная заря...» перекликается с самым ранним «А я откуда? Из анекдота...». Там герой задает себе вопрос «откуда я», раскрывая перед нами свою картину мира, а теперь свертывает ее, переходя от темы памяти к личности, и уже задается вопросом «кто я в этом мире»:

Тень от фонаря
имени меня.
мени кого?
Кто такое я?
Вещь ли, вещество,
тварь ли, коия [1, с. 179].

Лирический герой признается в своей духовной чистоте не напрямую. Задавая риторические вопросы, он предлагает времени все рассудить: Стала на нестылый/путь, чтобы долезть / мирной, безболез- / ненной, непостыд-ной... [2].

Значимы в лирике Н. Горбаневской религиозные мотивы. На раннем этапе творчества лирический герой только постигает, разгадывает, принимает и не принимает в контексте раздумий о конечности жизни. В стихотворении «Колокола и купола» 1961 года поэт впервые воссоздает образ Древней Руси: Колокола подвязаны, / и купола подрезаны, / и возле пристани во льду / черные лодки [2]. Обозначения «далекой дороги» и «тех, кому пора» отсылает нас к теме смерти и бессмертия. Символы белого «льда» и «черной лодки» могут свидетельствовать как о пустоте земного мира, так и о мире грешников. В одном восьмистишии показана возможная граница жизни и смерти. Этот образ темен, и лирический герой еще не видит в нем божественного света.

В последующих стихотворениях прослеживается центральная связь между этим и тем светом. В тексте «Как перепачканный мелом...» между земным порогом (юностью, выбором) и небесным миром – тонкая граница, которую важно видеть, чувствовать, но не переходить: Глянь, чтобы после вспомнить / непережденный порог, / и возвращайся исполнить / недоотбытый срок [1, с. 63]. На границе – стоит вратник. Роль вратника – открывать и за-пирать ворота, задерживать тех, кто казался подозрительным. Но здесь вратник и лирический герой не видят друг друга. Появляется этот мотив

«заглядывания» как возможность веры. И с третьей строфы стихотворение начинает звучать как молитва: Большая перемена / во веки веков. Аминь./ Пошевелись онемело, / тяжелые веки раздвинь [1]. Лирический герой утверждает, что срок земной – это лишь начало существования небесного.

В стихотворении «Что о беде да что о красоте...» 1964 года земное выступает как грешное, несправедное: как на кресте, и тихий хруст костей, / как на костре и треск, и полыханье [2].

С темой греха связана и телесная любовь – она грешна, наказуема. Тема плоти и страсти связана с наказанием: Спать, только спать, / упаси Боже с кем-нибудь [2].

Н. Горбаневская, развивая христианскую тему, работает с ней неоднозначно. В религиозной лирике переплетаются языческие и христианские символы с советскими реалиями. Библейский сюжет может быть переписан, переиначен, что говорит о личном понимании некоторых религиозных вопросов, стремлении объяснить их себе.

Стихотворение «Пламя тысячи свечей...» построено на библейском сюжете о путешествии Иосифа и Марии в Вифлеем. Главный вопрос, который волнует лирического субъекта, – это вопрос веры: вем ли, Он ли, иль не вем [1, с. 41]. Но и в своем вопрошании он уже не сомневается в совершенстве божественного творения: под лилейным шелком мышцы, / крепкой ножкой бьет Господь [1]. И доказательством этого выступают не только традиционные русские символы хлеба и соли, но и все мировое пространство, созданное Богом: в прислонившейся руке, / отразившейся в реке, / в море, в океане, в небе, / в белой соли, в черном хлебе [1].

Иногда Н. Горбаневская дает вольную трактовку библейским сюжетам, как, например, в стихотворении «Говорила Адамови Ева...». Здесь Ева отрицает свою вину в первородном грехе: – То неправда, плода я не ела, / не срывала с запретного древа [1, с. 72]. Горбаневская, используя просторечную лексику, намеренно снижает образ Евы, переводит предание в разряд фольклорных песен: Никуды, ненаглядный, не деться / от мотыги да Каина в доме [1].

В стихотворении «И увидел Бог...» библейское предание звучит как народная песня:

И яблочком вслед
запустил Он, когда
наши бабка и дед
вышли за ворота [1, с. 78].

В стихотворении «Незаметно перекреститься» языческая и христианская символика переплетены, но так как они включены в единый контекст, мы не наблюдаем противоречий: Незаметно перекреститься, / натянуть рубашку из синего ситца, / переплыть на ту сторону Стикса, / позабыть, кто с тобой не простился [2]. Ключевое слово для лирического героя – избавление. Это выход за пределы, освобождение:

Всю былую память, все былое зренье,
словно бревна сплавить по реке забвенья,
словно гонки счалить в сомкнутые звенья,
ничего не чаять, кроме избавленья [2].

В лирике Горбаневской реалии советского времени и библейские мотивы образуют единое целое. В стихотворении «В ожидании конца...» игровое составляющее – это соединение несоединимого, советской идеологии и библейского сказания: Шестикрылый номерок / от волнения промок, / на ладони у любого / расплывается лилово [2]. Для поэта – мир един, человек в нем изначально свободен, и важно признать это право на свободное существование. Таким образом, мы видим гражданскую позицию поэта, которая часто скрыта во втором и третьем смысловом слое стихотворения.

В стихотворении «От возраста школьного...», наоборот – советское пространство, приближенное к аду, противопоставлено небесной чистоте:

взойду, как дым, в небесный храм, / а вы долой, домой, к котлам, / к своим котлам, несчастный хлам [2].

По словам Аллана Рида, в позднем творчестве Н. Горбаневской можно выделить две, казалось бы, противоречащие друг другу темы – это тема примирения с действительностью через религиозное мировоззрение («Какой бы ни был час, пора вставать...») и постижение вечного через повседневность («Где нету ни дождя, ни снега...») [7]. Для Горбаневской религия, прежде всего, – это знание о душе; это библейские пророчества и то, как они приходят в земной мир; готовность человеческого духа принять данные заветы.

Мотивы страдания и покаяния устойчивы в лирике Горбаневской. В стихотворении «Кто о чем, а я, известно...» лирический герой не просит о прощении Бога (Бог – не для замаливания грехов), но молит о надежде: Не прощай меня, как прежде / не прощал, / но позволь расти надежде [2]. Особенность стиля заключается в том, что отсылка в первой строфе к фразеологизму «Кто о чем, а вшивый о бане» задает ироничный тон всему размышлению, заранее предупреждая о навязчивости такого рода разговоров. Но лирическому герою важна здесь интимная беседа с Богом не в состоянии отчаяния, а в состоянии радостного созерцания мира: что, мол, в мире этом

тесном / всё устроено чудесно/ и т. п. [2]. «Самое худшее, замечала она, что может произойти, – убьют. Но всех не убьют!» [8, с. 382]. Эта позиция подтверждается текстом «...НЕ СТРАШНО УМЕРЕТЬ»: а страшно / со смертью пренне преть всечасно [2]. Для лирического героя страх не связан с концом, он не естественен, но естественно бояться – не освоить эту жизнь, не понять, зачем она дана. И когда пропадает страх, с появлением силы и света, приходит смысл и «голос»: мир огласи / голосом сим, / какой тебе даден / Господом сил [2].

В стихотворении «Эти словно и будто и как...» лирический субъект размышляет о духовной темноте, «слепоте» человека, что направляет на неистинный путь и ведет к неправильному пониманию мироустройства: Эти словно и будто и как.../ Но не сравнивай. Слышишь, живущий [1, с. 159]. Использование сравнительных союзов («словно», «будто», «как») и вводных слов («верно», «наверное», «очевидно»), обозначающих сомнение, создает ситуацию игры и недоговоренности, а частица (ни) – усиленное отрицание. Благодаря этому, становится очевиден замысел. Именно закономерность происходящего в природе и в человеческой жизни позволяет обрести веру в Бога, в то, что мир устроен по замыслу божьему.

Как упоминалось выше, поэтическое призвание Горбаневской связано с верой. В поздней лирике поэт все чаще обращается к Богу напрямую: Господи, услыши мя, / я тебе не лишняя [1, с. 141]. В стихотворении «О, если б без слова, мычаньем...» говорится о голосе поэта как о цельном звуке, нечленораздельном, не принадлежащем человеку: О, если бы можно сказаться / нечленораздельней, чем мысль [1, с. 77].

Для поэта важна целостность и всеохватность смысла, «нераздробленность» речи. Безъязыкое пространство – это возможность донести смысл за пределы этой жизни, «чтоб слышали эти и те».

Эта мысль прослеживается и в стихотворении «Я знаю, зачем мне...», где глухота символизирует подчинение божьей воле, потому что только так «ничейная речь» становится речью божественной, а «нечаянное слово из уст» – праведным: чтоб стало нечаянным / слово из уст, / как если б пил чай / Иоанн Златоуст...[2]. В таком случае лирический герой не защищен перед Богом: моя чешуя сползает с меня, как короста, / и незащищенной одесную и ошуюю / стою пред Тобой в вышину невеликого роста [3]. Душа героя свободна и в то же время обречена на скитания, несчастна: Душенька блуждающая, нежная, / бландула, вагула анимула [1, с. 83].

Таким образом, основные мотивы лирики Горбаневской могут быть представлены в виде концентрической системы. В центре – собирательный

мотив пути. Образ пути дан в двух ипостасях: дорога – возможная свобода, осязаемое движение и путь как символ пути христианского. Мотиву пути противопоставлен мотив дома. Пространство, в котором находится лирический герой, формирует мотив свободы и несвободы, с ним тесно связано метафизическое одиночество героя.

Важно отметить, что в лирике Горбаневской мы не встречаем стихотворений, открыто посвященных любовному чувству или тоске лирического героя о расставании. Лирический субъект приходит к любви через любовь к миру. Тему взаимоотношений с миром раскрывают религиозные мотивы. При этом главной формой разговора с Богом является просьба. В прямом обращении к Богу раскрывается и образ лирического героя, совпадающий с точкой зрения автора, для которого вера укоренена в идее смирения, в единении с божественным, в отсутствии страха смерти.

Список литературы

1. Горбаневская Н. Избранные стихотворения. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2015. 296 с.
2. Горбаневская Н. Полное собрание сочинений // Вавилон. Современная русская литература. Электронный ресурс. URL: <http://www.vavilon.ru/texts/gorbanevsk/gorbi1.html> (дата обращения: 01.03.2020).
3. Горбаневская Н. Е. Полдень: Дело о демонстрации 25 августа 1968 года на Красной площади. М.: Новое изд-во, 2017. 400 с.
4. Гаспаров Б. М. Литературные лейтмотивы. М., 1994.
5. Корман Б. О. Лирика Н. А. Некрасова. Воронеж, 1964. 390 с.
6. Новый Завет: Евангелие от Матфея. Электронный ресурс. URL: <http://bible.optina.ru/new:mf:07:13> (дата обращения: 01.03.2020).
7. Рид А. Апокалипсис, эсхатология и вера: Религиозные мотивы в поэзии Натальи Горбаневской // Новое лит. обозрение. 2014. № 5. С. 216–232.
8. Улицкая Л. Поэтка. Книга о памяти: Наталья Горбаневская. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2014. 414 с.
9. Эпштейн М. Постмодернизм в России. СПб.: Азбука-Аттикус, 2019. 608 с.

References

1. Gorbanevskaya N. *Izbrannye stihotvoreniya* [Selected Poems]. St.Petersburg: Izdatel'stvo Ivana Limbaha, 2015. 296 p.
2. Gorbanevskaya N. *Polnoe sobranie sochinenij* [Collected Works] *Vavilon. Sovremennaya russkaya literatura* [Vavilon. Modern Russian literature]. Ehlektronnyj resurs. URL: <http://www-vavilon-ru-texts-gorbanevsk-gorbi1-html>
3. Gorbanevskaya N. E. *Polden': Delo o demonstracii 25 avgusta 1968 goda na Krasnoj ploshchadi* [Noon: The case on the demonstration of 25 August 1968 at the Red Square]. Moscow: Novoe izdatel'stvo Publ., 2017. 400 p.
4. Gasparov B.M. *Literaturnye lejtmotivy* [Literary Leitmotifs]. Moscow, 1994.
5. Korman B.O. *Lirika N.A. Nekrasova* [Lyrics of Nekrasov]. Voronezh, 1964. 390 p.

6. Novyj Zavet: Evangelie ot Matfeya. [The New Testament: The Gospel According to Matthew]. Ehlektronnyj resurs. URL: <http://bible-optina.ru/new-mf-07-13>

7. Rid A. *Apokalipsis, eskhatologiya i vera: Religioznye motivy v poezii Natal'i Gorbanevskoj* [Apocalypse, eschatology and faith: Religious motives in the lyrics of Gorbanevskaya] *Novoe literaturnoe obozrenie* [The New Literary Observer]. 2014. № 5, pp. 216–232.

8. Ulickaya L. *Poetka. Kniga o pamyati: Natal'ya Gorbanevskaya* [Poet: A Book of Memories: Natalia Gorbanevskaya]. Moscow: AST: Redakciya Eleny SHubinoj, 2014. 414 p.

9. Epshtejn M. *Postmodernizm v Rossii* [Russian Postmodernism]. St. Petersburg: Azbuka-Attikus, 2019. 608 p.